

Приезжий гость был молодым господином в шелковом халате цвета лунного света. Материал казался необычным, словно окутанным мягким сиянием.

Следом за ним стоял невозмутимый слуга: в левой руке он держал зонт, а в правой сжимал изящный меч.

Несмотря на проливной дождь, их одежда оставалась совершенно сухой.

Гу Сюэцзян не сводил глаз с гостя, а Чэн Цяньжэнь — с серебряных слитков на столе.

— Рисовать не буду, лавка закрывается, — проговорил Гу Сюэцзян.

Гость усмехнулся, но эта улыбка была неприятной. Даже правильные черты лица не могли скрыть проступившую в его взгляде спесь. Он выудил из рукава пачку банкнот, каждая достоинством в тысячу лян, и небрежно, словно стопку макулатуры, швырнул их на стол перед ними.

Две купюры подхватило ветром, и они закружились, падая прямо в грязную лужу.

Гу Сюэцзян по-прежнему развалился на стуле, выглядя так, будто у него совсем нет костей:

— Не буду.

Чэн Цяньжэнь внезапно ощутил, как ветер и дождь стали холоднее. Он понял: это не заказ, это неприятности.

Предчувствие подтвердилось следующей фразой гостя, пропитанной неприкрытой злобой:

— Не можешь, верно? В конце концов, твои меридианы разрушены, ты стал калекой. Да и чувства притупились... — он подался вперед. — На улице такая темень, ты хоть видишь мое лицо?

Гу Сюэцзян, собиравший кисти и тушь, замер и медленно произнес:

— Знаешь, я всегда считал, что потеря Пути Боевых Меридианов — это тяжкое испытание. Падение с небес в грязь всегда дается нелегко...

Гость явно не ожидал такой откровенности и спокойствия, на мгновение опешив.

Гу Сюэцзян вдруг рассмеялся:

— Но сейчас я даже рад. Если бы я мог разглядеть твое лицо, то наверняка страдал бы еще сильнее — ведь это так неприятно для глаз.

На пустой длинной улице под дождем замерли четверо: двое сидели, двое стояли.

Одежда Чэн Цяньжэня промокла, в душе бушевал шторм, но взгляд, устремленный на незнакомца, оставался настороженным и холодным.

Гость слегка дрожал, словно сдерживая ярость, а его слуга с мечом напоминал манекен: даже когда его хозяина оскорбляли, он не проронил ни звука.

Оба они были практиками. Но Чэн Цяньжэнь не мог определить их уровень.

С тех пор как он прибыл в город Наньян, это был первый случай такой серьезной угрозы.

Он знал лишь, что Гу Сюэцзян родом из имперской столицы, из обеспеченной семьи, откуда его позже изгнали. Больше ничего. Он даже не слышал от Гу-второго упоминаний о том, что тот когда-то был практиком.

Насколько глубока их вражда?

Кто этот человек? Осмелится ли он убить ученика Академии прямо в городе Наньян?

В городской управе сидели бездельники, но стража под началом судей Академии — совсем другое дело. В этом городе полно знати и чиновников, но нет никого могущественнее Академии Наньюань. Ее правила порой стоят выше законов Тяньци, и если ученик совершал преступление, сначала его судила сама Академия.

За одно мгновение в голове Чэн Цяньжэня пронеслось множество мыслей.

Наконец, гость подавил гнев. Его лицо разгладилось, но взгляд стал еще холоднее:

— Ты все такой же невыносимый.

— Благодарю. Жаль, я не запомнил, каким ты был раньше.

Гу Сюэцзян свернул последний лист рисовой бумаги и убрал в тубус. Стол опустел, остались лишь серебряные слитки да разбросанные банкноты.

— Еще не ушел? Я собираюсь закрыть зонт, — он поднялся, прихватив чайник. — Впрочем, раз уж ты проделал такой путь под дождем ради рисунка, угощу тебя чашкой чая.

Чай, принесенный Чэн Цяньжэнем, уже остыл. В грубой керамической чашке не было даже пара.

Гость сделал глоток и тут же выплюнул содержимое:

— Тьфу! Кхе-кхе-кхе...

Ухватившись за стол, он зашелся в кашле, и сдерживаемая ярость наконец вырвалась наружу:

— Это вообще можно пить?!

Гу Сюэцзян налил себе из другой чашки и выпил залпом.

Он посмотрел на гостя сверху вниз, и его выражение лица внезапно стало ледяным:

— Горечи в моей жизни было куда больше, чем в этой чашке. Разрушенные меридианы — это не самое страшное, куда хуже — быть испорченным собственной семьей. Если не можешь меня убить, советую не задирать. У меня отличная память на обиды.

Молодой господин покраснел от ярости, резко вскочил и выкрикнул:

— Меч!

Слуга протянул ему оружие. Чэн Цяньжэнь в тот же миг сделал два шага вперед. Подсознательно он не верил, что Гу Сюэцзян был практиком, и считал, что тот слишком слаб, а сам он, закаленный пограничными стычками, справится лучше.

Звон металла, серебряное сияние, подобное инею — изящный длинный меч вылетел из ножен.

В ту же секунду на них обрушилось невыразимое давление. Пространство под зонтом будто отделилось от остального мира, ветер и дождь больше не могли проникнуть внутрь.

Чэн Цяньжэнь почувствовал, как холод пронзил его тело, а на плечи легла тяжесть в тысячу цзиней. Перед глазами потемнело.

Он весь взмок, не в силах пошевелиться.

Меч был уже готов нанести удар. Гу Сюэцзян не шелохнулся.

В одно мгновение прогремели два звука.

— Дзынь!

Это был длинный нож, вонзившийся в столешницу.

— Зэн!

Это столкнулись острие меча и лезвие ножа.

Молодой господин содрогнулся, его рука задрожала, и он отступил на три шага, выйдя из-под защиты зонта.

Нож прилетел, прорезав дождь, но его широкое лезвие оставалось сухим и зеркально гладким, отражая четыре лица с разными выражениями.

Воздух под зонтом, казалось, застыл, но теперь это заклятие пало, и прохладный весенний дождь снова начал просачиваться внутрь.

Давление с плеч Чэн Цяньжэня исчезло.

Подобно одинокой вершине, возникшей посреди равнины, этот нож жестко и властно разделил двоих противников.

Зонт над головой закрипел и с треском развалился. Ручка сломалась, обломки упали на землю.

На этом сила удара иссякла.

Все четверо оказались под проливным дождем.

Гу Сюэцзян оставался невозмутимым, а молодой господин побледнел.

Нож пробил банкноты и вошел в стол на два цуня, не разрушив мебель и не поранив людей.

Контроль Истинной Ци был филигранным.

Дождь барабанил по мостовой, на улице не было ни души, лавки были заперты. Кто-то из соседей выглянул из окна верхнего этажа, но тут же поспешно закрыл ставни.

Все четверо посмотрели на конец улицы: из пелены дождя показалась высокая фигура.

Девушка сжимала в руках другой нож, лезвие волочилося по земле, высекая искры.

Ее Истинная Ци пылала так яростно, что капли дождя превращались в пар, не успев коснуться ее одежды.

Молодой господин громко спросил:

— Кто вы такая?

Холодный голос прорезал шум дождя:

— Сюй Жань. Какие-то проблемы?

С того момента, как молодой господин выхватил меч, до появления Сюй Жань прошло совсем немного времени, хотя казалось, что целая вечность.

Если бы она опоздала хоть на миг, последствия были бы непредсказуемы.

Чэн Цяньжэнь чувствовал, как одежда прилипла к спине от холодного пота. Тот ужас, когда мысли замирают, а тело перестает слушаться, был невыносим.

«Это и есть сила практиков?» — с содроганием подумал он.

Сюй Жань не стала подходить близко, остановившись в семи шагах.

Это расстояние позволяло ей в любой момент нанести удар своей сильнейшей техникой. Раньше ее этому учил Гу-второй. Интересно, думал ли он тогда, что такой день настанет?

Молодой господин нахмурился:

— А, это ты.

Сюй Жань серьезно ответила:

— Я. Младший брат, вчера я обозналась, это моя вина. Если есть претензии — обращайся ко мне, нечего отыгрываться на моих друзьях.

Как только она закончила, у всех, кроме невозмутимого слуги, лица стали странными.

Умение Сюй Жань портить атмосферу заставило даже вечно спокойного Гу Сюэцзяна вздохнуть.

Чэн Цяньжэнь догадался о его мыслях: «Эх, редко Сюй-старшая так хороша, но эффект длится не дольше трех секунд».

Так и вышло — гость насмешливо улыбнулся:

— А ты кто такая?

Сюй Жань, не улавливая сути, все так же серьезно ответила:

— Я же сказала, Сюй Жань. А ты кто такой? — она вдруг вспомнила. — Ах да, не кто, а Чжун Тяньюй, тот самый, что платит взносы за обучение.

Насмешка на лице молодого господина застыла.

Чэн Цяньжэнь вдруг почувствовал жалость к нему: искать мести в дождливую ночь и наткнуться на таких странных людей...

Он не заметил, как с приходом Сюй Жань, когда они снова собрались втроем, он расслабился и позволил себе отвлечься.

Чжун Тяньюй повернулся к Гу Сюэцзяну:

— Хозяин Озера, ты ведь всегда был так нежен с женщинами, а теперь, когда твои меридианы разрушены, прячешься за спиной девчонки?

Чэн Цяньжэнь обычно старался избегать неприятностей, но сейчас понял, что от них не уйти, и решил действовать быстро. В конце концов, было уже поздно, а Чжулю ждал его дома.

— Я не знаю ваших столичных порядков и того, что вас связывает, — сказал он, привлекая всеобщее внимание. — Но это город Наньян. Мы все ученики Наньюань, значит, будем решать дела по правилам Академии.

— Ты про правило: «Во время обучения запрещено убивать соучеников»? — усмехнулся Чжун Тяньюй. — Не повезло, я и эта старшая сестра — из Академии Циншань. Правила Циншань не запрещают поединки. Есть личные счета — добро пожаловать на арену, жизнь и смерть — на вашей совести.

Сюй Жань с лязгом убрала нож в ножны:

— Жду вызов. Увидимся на арене.

— Без ставки сражаться скучно.

— У меня нет денег, что ты хочешь?

Он разговаривал с Сюй Жань, но смотрел на Гу Сюэцзяна:

— Как насчет того, чтобы проигравший публично встал на колени и извинился?

Сюй Жань задумалась:

— Если проиграешь ты, вставать на колени не надо, лучше отдай деньгами.

Гу Сюэцзян никогда не думал, что Сюй Жань может быть такой расчетливой. Если Чжун Тяньюя заставят встать на колени, учитывая злопамятность его семьи, дело станет куда серьезнее — это уже вопрос чести целого клана.

Сюй Жань об этом не думала, она просто считала деньги надежнее извинений. Под пристальными взглядами товарищей она решила заломить цену, чтобы потом разделить ее на троих.

— Тридцать лянов! — заявила она.

Гу Сюэцзян: «...»

Чэн Цяньжэнь: «...»

Атмосфера стала неловкой. Сюй Жань, проследив за взглядом Чэн Цяньжэня, увидела банкноты на столе и запоздало все поняла... но слово не воробей. Пришлось идти до конца.

— Старшая сестра не будет тебя обдирать, тридцать лянов — и урок усвоен.

Чжун Тяньюй не хотел оставаться здесь ни секунды. Это было унижительно.

Он бросил меч слуге и, взмахнув рукавами, ушел:

— Вызов пришлю завтра. Готовьтесь вставать на колени.

Слуга, по-прежнему невозмутимый, последовал за ним, прикрывая хозяина зонтом. В мгновение ока они исчезли в конце улицы.

— У тебя есть зонт? — спросил Гу-второй.

Мелкий весенний дождь не причинял боли, но теперь, когда напряжение спало, Чэн Цяньжэнь и Гу Сюэцзян поняли, что промокли до нитки. Без защиты Истинной Ци они выглядели довольно жалко.

— Нет, — честно ответила Сюй Жань. — Только нож.

Чэн Цяньжэнь подобрал свой зонт из обломков:

— Пошли, отнесу чайник. Попрошу у хозяина пару зонтов для вас.

На кресле-качалке у входа никого не было, в лавке тоже пусто. Чэн Цяньжэнь поставил кресло на место.

Хозяин как раз приподнял занавеску, выходя из кухни с миской куриных вонтонов, и поставил ее перед ним:

— Ешь.

Чэн Цяньжэнь, прибежавший после занятий, был голоден как волк. А тут еще холод, дождь и угроза меча — при виде горячей, ароматной миски он почувствовал, как сильно проголодался.

Не только он, но и Сюй-старшая с Гу-вторым не сводили глаз с вонтонов.

Хозяин, не выдержав их жалкого вида, снова развалился на кресле за стойкой:

— Сделал много, зачерпните сами из котла.

Вонтоны были с тонким тестом и сочной начинкой, бульон — ароматный, а с добавлением перца становилось все жарче. Холод отступал.

Чэн Цяньжэнь уплетал еду, когда услышал голос хозяина:

— Я же говорил тебе: когда приходишь сюда, бери с собой что-то для защиты.

«Значит, он видел, — подумал Чэн Цяньжэнь. — Хотя было темно и шел дождь, вряд ли он разглядел детали. Да и что толку от ржавого меча против практиков?»

— Брал, — ответил он. — Оставил в углу, просто не взял с собой... Спасибо, хозяин.

Чэн Цяньжэнь вспомнил, как в первый день, перед уходом, хозяин окликнул его и бросил длинный сверток из ткани.

«Хоть это и город Наньян, на Западном рынке полно всякого сброда, — сказал он, глядя на лежащие на земле трупы. — Такие вещи случаются часто. Возьми, в следующий раз носи с собой».

Развернув сверток, Чэн Цяньжэнь увидел меч.

«Старый, ржавый, но для вида сойдет».

— Спасибо, хозяин.

— Не за что, работник.

На Западном рынке собирались люди всех мастей: пьяные драки, споры торговцев, стража вечно опаздывала. Получив меч, Чэн Цяньжэнь всегда брал его с собой. Даже если он был бесполезен, само наличие оружия давало чувство спокойствия.

Сюй Жань и Гу-второй вышли с мисками, и все трое принялись за еду.

После ужина они оставили десять монет. Это было старое правило: Чэн Цяньжэнь не платил, а они — по полной цене.

— Хозяин, можно одолжить два зонта? Завтра верну.

Хозяин ответил своим девизом из трех слов:

— Делай что хочешь.

Все трое жили в восточной части города, им было по пути.

Дождь стих, но ночной ветер стал холоднее. Бумажные фонари под крышами домов раскачивались, бросая золотистые блики на мокрые камни мостовой.

Природа ранней весны, холод поздней осени.

На улице ни души, даже уличные коты попрятались. Они шли под зонтами по необычайно тихой ночной улице Наньяна.

— Гу-второй, тебе есть что сказать? — спросила Сюй Жань.

— Спрашивай, я отвечу.

Сюй Жань вспомнила разговор вчерашним днем:

— Что это были за «небольшие неприятности»?

Если кто-то приходит к тебе на второй день учебы, это точно серьезнее, чем просто «обозналась».

Гу Сюэцзян потер нос:

— Давно это было. У них в семье был бестолковый младший брат, Чжун... как же его... неважно. В общем, однажды Люй Яо пожаловалась мне, что он пытался ее принудить, плакала сильно. Я не стерпел, нашел его и сломал ему ногу. Слышал, он месяц дома просидел.

— Кто такая Люй Яо? Твоя родственница? — спросила Сюй Жань.

— Нет, она из Павильона Весенних Цветов, мастерски играет на пипе.

— ... — Чэн Цяньжэнь не нашелся что сказать.

Сюй Жань не выдержала:

— Ты сломал человеку ногу, но даже имени не запомнил? Зато девушку из борделя запомнил?

Гу Сюэцзян был искренне возмущен:

— Я был молод и горяч! В год я ломал ноги человек двадцати, если не больше. Все они на одно лицо, стиль одежды одинаковый, как всех упомянуть?

Чэн Цяньжэнь подумал, что в этом есть доля логики...

Да ни черта подобного!

Сюй Жань, о чем-то задумавшись, изменилась в лице:

— Ты что, тот самый... Хозяин Озера из Цветочного Павильона?

Спустя несколько лет Гу Сюэцзян снова услышал свое старое прозвище и почувствовал не престиж, а жуткую неловкость.

— Какой еще Хозяин Озера? Это все слухи.

Сюй Жань окончательно переменилась в лице и остановилась:

— Сюэцзян из Цветочного Павильона!

Гу-второй сделал вид, что сейчас заплачет:

— Сестренка, умоляю, не надо.

Чэн Цяньжэнь не сдержался и расхохотался. Когда у кого-то откапывают такое постыдное прошлое, это хуже, чем бегать голышом.

Хозяин Озера? Что за бред, персонаж дешевого романа? Ха-ха-ха!

Сюй Жань, однако, было не до смеха — для нее это тоже была часть постыдного прошлого.

Когда-то ее дядя служил в столице и каждый год рассказывал ей истории: о высоких домах, дорогах из черного камня, о свободных нравах, о четырех великих семьях, что правили страной — Чаогэ, Хуацзянь, Чжун и Бай.

И о самом молодом в истории династии заместителе командира столичной стражи — Сюэцзяне из дома Хуацзянь.

В восемь лет начал путь практика, в пятнадцать — не знал равных среди сверстников.

Дядя, бывало, выпив, рассказывал:

— Дороги в столице широкие, восемь карет в ряд встанут. Но знати много, каждый хочет ехать посередине, никто не уступает. А вот заместитель командира не ездил в карете. Он скакал на красном коне, словно заря, и все вельможи покорно расступались, освобождая путь в три чжана.

В столице было озеро Хуайцзинь, полное увеселительных лодок и огней. Сюэцзян был там знаменитостью. Он писал стихи, сочинял музыку, помогал девушкам.

Когда он служил, в столице воцарился порядок, особенно в вопросах насилия.

Сюй Жань тогда была маленькой и восхищалась им. А теперь она смотрела на Гу Сюэцзяна, который из-за зонта в руках никак не мог прикурить трубку, и чувствовала безмерный стыд за то, что когда-то им восхищалась.

К счастью, Чэн Цяньжэнь был с восточной окраины и не слышал этих историй.

— А почему ты сменил фамилию? — спросил он.

Гу-второй ответил:

— Меня изгнали, вычеркнули из семейных списков, теперь я ношу фамилию матери. Да и вообще, разве имя «Сюэцзян из Цветочного Павильона» не звучит... кисло?

Сюй Жань:

— Как будто «Гу Сюэцзян» звучит менее кисло.

Чэн Цяньжэнь промолчал, хотя ему хотелось добавить, что имя звучит еще и «гейски».

Сюй Жань:

— Ты столько людей обидел, должно быть, тебе пришлось несладко?

Гу-второй наконец раскурил трубку и снова принял беззаботный вид:

— Да нормально. Видишь, я до сих пор жив и здоров.

<http://bllate.org/book/21041/2140655>